

О свет, сияющий из тьмы...

Никогда у Ибая Блэкбёрна не было так много дел. Библиотека Эрудиции не была похожа ни на что из встреченного им раньше. Столько знаний прозябали здесь, ожидая пока их обнаружат - или, вернее, обнаружат вновь.

У Библиотеки был свой разум. Это уже стало вполне очевидно для Ибая. И разум этот был жадным. Несмотря на то, как она пыталась искусить людей, приманить к своим когтям и схватить, Библиотека точно хотела оставить все свои секреты себе.

Он очень надеялся, что ей понравится его книга. Может быть, она станет относиться к нему немного теплее.

Правда опыта в литературе у него было не слишком много. Это всегда казалось таким скучным делом, а единственная причина, почему он знал вообще хоть что-то о грамматике, была в том, что мама заставляла его учиться с очень юных лет. Даже сейчас он не совсем понимал, как ей это удалось. Из воспоминаний о детстве он помнил только то, что в те времена был довольно непокорным ребёнком - совсем не похожим на взрослого и серьёзного Ибая, каким стал теперь.

На мгновение ручка Ибая перестала двигаться. Как там его мама, интересно? Он надеялся, что с ней всё хорошо. И с остальной семьёй тоже.

Новость о смерти отца оказала на него странное воздействие.

Он полагал, что вот это чувство, наверное, люди и называли «грусть». Такое тяжёлое, давящее на грудь и голову. Как если бы воздух стал тяжелее.

Хотя ему уже тридцать пять, но грусть ему была неизвестна. Конечно, он знал, что ужасные вещи случаются, что мир за пределами его маленькой «клетки» - Болотной Скалы - может быть жестоким и непрощающим. Любой, кто смотрел серьёзный фильм или читал грустные истории, знал об этом.

Но вот так?

Реально испытать её?

Это было просто ужасно. А самое худшее, как показалось Ибаю, это то что с ней ничего

нельзя сделать. Потому что, если смотреть со стороны, то дело ведь не в нём, верно? Дело в том, что случилось с его отцом.

Странно, но грусть показалась ему удивительно эгоистичным чувством. Оно словно бы заставляла концентрироваться на себе, на этом ужасном чувстве внутри, а не на отце – реальной утрате. Разве не на этом он должен был сосредоточиться? На предмете своего горя?

Грусть действительно должна быть такой?

Это озадачивало.

Его тело не всегда было в идеальной связи с мыслями. Временами на глазах проступали слёзы, а он не мог понять причину. А ещё он заметил, что последнее время стал гораздо чаще думать о прошлом.

Эту часть, по крайней мере, он не ненавидел. Вспоминать прошлое было здорово. Ну, уж точно лучше, чем тупо думать о том, насколько ужасно он себя чувствовал. Не так эгоистично, пожалуй.

Ибай задавался вопросом, станет ли он когда-нибудь прежним. Нет, не только он, а вообще всё. Станет ли мир когда-нибудь прежним?

Ибай вернулся к написанию книги.

Несмотря на отсутствие опыта, ручка двигалась не задерживаясь ни на секунду. Слова просто текли из него.

Выбрать тему того, о чём писать, было трудно, но даже на эту агонию много времени не ушло. Поначалу он просто думал сделать сборник своих комментариев на понравившуюся ему литературу, но потом решил, что использовать материал, которым Библиотека уже обладает, неправильно. Это ведь подарок Библиотеке – который должен сделать её счастливой – а значит нужно что-то оригинальное.

Взгляд сразу упал на художественную литературу. Небольшой роман. А учитывая темп, в котором он его писал, произведение уже скоро будет закончено.

И он просто писал. При этом сам не зная, чем закончится история. Чёрт, он даже не всегда знал, чем закончится предложение. Просто двигал ручкой и позволял словам упасть на бумагу.

Удивительно, но это оказалось довольно весёлым занятием. Он слышал о том, что писать должно быть трудно, но пока что не возникало вообще никаких проблем. Он будто даже ничего и не делал, а просто служил передатчиком, посредством которого передавалась история.

Он пока даже названия не придумал, но его история была о змее, который мог превращаться в человека. Змею так нравилось быть человеком, что он даже начал думать, что, возможно, всегда был человеком, и просто забыл. Был ли он змеем, который стал человеком? Или человеком, который стал змеем? А имело ли это хоть какое-то значение?

А, ещё там были роботы. И летающие верблюды. И две разумные миски с чили, ведущие философский спор.

В целом, ему самому было интересно узнать, куда это всё придёт.

— «Эй, Ибай», — прозвучал рядом голос Чергоа.

Он поднял взгляд от бумаги и заметил жнеца, парящего рядом. Для него они были крошечными фигурками, забавно прыгающими во время движения. Ему всегда нравилось наблюдать за ними. Хотя им не часто нравилось, что он за ними наблюдает.

Чергоа, с другой стороны, насколько он мог судить, больше его не боялась. И это показалось ему удивительным. Даже жнецы дома Блэкбёрн, несмотря на всё, что они сделали, чтобы защитить его, всегда выглядели встревоженными рядом с ним. Он уже давно к этому привык. Начал считать частью их сущности.

Но Чергоа отличалась. У него складывалось впечатление, что ей действительно нравится проводить с ним время.

И это было реально здорово.

— «Как твоя история?» — спросила она.

Он снова опустил взгляд и увидел гораздо больше исписанных страниц, чем ожидал. — О. Неплохо, кажется. Спасибо, что спросила. — Он широко улыбнулся ей. Улыбаться ей было легко. — Я могу чем-то помочь?

— «Не, просто решила тебя проверить. Ты сегодня весь день пишешь.»

— Серьёзно? — Он моргнул и почесал центр лба.

Этот маленький столик, который он использовал, был в самом дальнем уголке главного зала библиотеки. Гигантские книжные полки окружали его со всех сторон, за исключением одного узкого прохода, который зигзагом вёл к центру зала.

Здесь бы очень подошло слово «тесно», но если бы историю писал он, то выбрал бы «удобно». Это место было очень тихим, а аромат книг имел собственный, неповторимый шарм.

— «Ты сегодня что-нибудь ел?» — спросила Чергоа.

Ибай не был уверен. — Ну...

— «Так, поднимайся. Только ты, я, и трапезная.»

Ибай хихикнул и снова положил ручку.

— «Тебе стоит следить за собой», — сказала Чергоа, пока они вместе шли через лабиринт книжных полок. Хотя она была жнецом, но ей тоже приходилось идти по пути. Он не знал почему, но для жнецов ни одна часть этого здания, включая даже книги, ни была проходима. — «Что бы ты делал, если бы вдруг потерял сознание от усталости, а?»

Странно, но Ибай не знал что сказать. Нет. Не так. Ибай не хотел ничего говорить. Каким-то образом ему нравилось просто слушать её. Может её тон казался суровым или даже раздражённым, но ему всё равно было очень приятно, когда она разговаривала с ним.

Хе-хе.

Шли они довольно долго, и Чергоа снова спрашивала его об истории, которую он писал. Ибай с радостью рассказывал ей, что ещё пришло ему на ум, но спустя некоторое время она резко сменила тему:

— «Так и не повезло найти никаких книг об отклонениях?» — спросила она.

— Неа, — пожал он плечами. — Думаю, мы слишком недавно начали существовать по меркам этой Библиотеки. Здесь трудновато найти книги моложе двухсот лет.

— «Жаль. Уверена, Говис должен знать о ваших больше, но могу только пожелать удачи, если соберёшься у него дознаваться.»

Ибай быстро растянулся в улыбке: — Из него собеседник, как из крокодила.

— «Ха. Неплохо.»

— Потому что он выглядит как ящер.

— «Да, я поняла шутку. Ибай. Тебе не обязательно её объяснять.»

— Ага, но я захотел объяснить.

— «Объяснение шуток, знаешь ли, убивает весь юмор.»

— Мм, я это уже слышал, но не согласен. Мне кажется, так даже смешнее.

— «Ты правда так думаешь?»

— Ага!

— «Хм. Ну. Это. Реально странно, но ладно.»

— А ещё так я могу быть уверен, что все поняли шутку - что важно, иначе кто-то может обидеться, верно? Когда не понимаешь, над чем все смеются, вообще не весело.

— «А ты неожиданно хорошо это продумал.»

— Вот. У меня готова ещё одна шутка.

— «О, я готова услышать. Но только если она хорошая.»

— Почему курица перешла дорогу?

— «Чтобы попасть на другую сторону», — закончила Чергоа.

— А, так ты её уже слышала?

Она засмеялась: — «Да. Трудно поверить, но да.»

— Что ж, в любом случае, эта шутка смешная, потому что её кульминация настолько очевидна, что становится неожиданной. А юмор, в своей основе, заключается в разрушении ожиданий.

— «Угу.»

— С таким началом, ты наверняка ожидала что-нибудь глупое, вроде «Чтобы попасть на совещание кво-квосьми часам».

— «...По-моему, этот вариант смешнее.»

— Хмм, может быть. А он смешной, потому что это игра слов.

— «Ага, я поняла.»

— Это называют «каламбур».

— «Так, всё, прекращай», — сказала она, хотя снова смеялась.

— Уверена? Я ещё только на полпути к объяснению.

— «Думаю да, уверена.»

— Что ж, ладно, свою точку зрения я и так доказал.

— «Эм, ну я бы так не сказала.»

— А, так ты хочешь, чтобы я продолжил объяснять! В таком случае-

— «О, смотри, мы пришли!» — засмеялась Чергоа. — «Почему бы тебе не взять чего-нибудь поесть?»

Ибай не мог отрицать, что жутко проголодался, так что решил так и поступить.

Трапезная тоже была интересным местом. Гигантская сводчатая комната, ежедневный выбор еды в которой мог сравниться с таковым в Болотной Скале за все тридцать пять лет его жизни. Что ему казалось совершенно лишённым смысла, учитывая тот факт, что Библиотека Эрудиции находится посреди мёртвого континента Экзолта, окружённая непрекращающимся смертоносным штормом Дэйнболгом. Разнообразие здесь было таким, что он задавался вопросом: «каким образом удаётся поддерживать такой роскошный выбор?». Но эту тайну пока раскрыть не удалось.

Его взгляд остановился на куриных наггетсах. Простая еда, но любимая с детства. Мама раньше ругала его за «низкие вкусы», недостойные аристократа, но отец только пожимал плечами, так что Ибай никогда не относился серьёзно к её мнению в этом вопросе.

Обычно, когда он искал хорошее место для перекуса, то присоединялся к ближайшей группе людей и просто начинал болтать с ними. В результате он хорошо познакомился с несколькими людьми Говиса, но сегодня он не чувствовал себя таким общительным, а ещё у него уже была Чергоа в качестве компании. Так что он выбрал пустой стол в углу комнаты.

— «Кстати говоря», — сказала Чергоа, «присаживаясь» рядом, — «не находил хороших книг в последнее время?»

— О, блин, ещё как! — сказал он, посреди укуса. — Я тут видел одну, она называлась «Смертельная Мускусная Дыня и Пять Колец Милосердия».

— «Эм... ладно. И что тебя в ней заинтересовало?»

— Я её ещё не читал, но с таким названием там точно что-то потрясающее.

Пластиковое лицо крошечной фигурки жнеца каким-то образом стало ещё менее выразительным. — «А других не было?»

Он с минуту пережёвывал этот вопрос, а заодно и сочный наггетс.

В последнее время она часто спрашивает о его читательских интересах и недавно у него начал появляться вопрос почему. Пока что он его не задавал, потому что немного боялся, что тогда она перестанет спрашивать. А ему нравилось рассказывать.

Может быть, ей правда просто любопытно, но Ибаю казалось, что она ищет что-то определённое. Ну, то есть, не обязательно определённое, а просто нечто, за что можно было бы зацепиться. Что-нибудь, что может найти отклик в её тысячах лет памяти, и предоставить возможность узнать какой-нибудь феноменальный секрет.

Он узнал её не так давно, но Чергоа правда стала для него очень важным человеком. Жнецом, то есть. В то же время, это не означало, что он не замечает тихонько горящие в ней амбиции.

Хотя это ему тоже нравилось, кстати. Здорово, когда у тебя есть какая-то цель.

— Ну, — сказал Ибай, дожевывая и проглотив, — думаю было ещё несколько интересных названий, вроде «Феномен становления», «Хладнокровие арбитров судьбы», «Теория пустых миров», и «Гипотетическая эволюция дружбы».

Чергоа секунду смотрела в пустоту, переваривая набор.

Но Ибай ещё не закончил: — А, ещё «Маленький Крыжовник, который старался изо всех сил», «Калейдоскоп кайледо-шмали», и «Маленький Джимми и грушевидная груша».

— «...Те, которые ты назвал первыми, мне больше по вкусу.»

— Хм, да? Ещё я видел «Как забраться по лестнице успеха, обманывая совсем чуть-чуть», «Как программировать видеомагнитофон», и «Учимся читать собственные мысли».

— «Ага, первые варианты всё ещё лучше.»

— О, ну тогда тебе могут понравится-

— «Ты прочитал хотя бы одну из этих книг?»

— Обычно я просто пролистываю. Но читать названия очень весело!

— «Угу...»

— Если честно, то мне обычно не хочется просто садиться и пытаться реально посвящать своё время новым книгам, потому что не могу и сказать, сколько раз я был ими разочарован. Видишь такое шикарное-прешикарное название, а там скукотища смертная. И это очень раздражает.

Жнец посмотрела на него. — «И часто с тобой такое происходит?»

— Эээ, ну не знаю, может в девяносто трёх процентах случаев.

— «Понятно...»

— Хмм. Думаешь, это много?

— «Я бы сказала, что дофига.»

Ибай продолжил есть.

— «Что ж, думаю ты не стал пролистывать те книги, которые назвал первыми?»

Он задумался: — «Феномен Становления» Роберта Отоя. В ней рассказаны известные исторические случаи становления среди слуг. Оказывается, когда о становлении узнаёт много людей, это плохой знак, потому что в большинстве случаев слуги были убиты вместе со жнецами в ближайшие год-два, либо закончили свои отношения по другим причинам.

— «Интересно», — пробормотала Чергоа, оглянув трапезную. — «Что ещё там было сказано?»
— Её голос стал значительно тише. Хотя жнецы не могли перейти на «шёпот», поэтому радиус, в котором её было слышно, всегда оставался одним, громкость своего голоса они менять могли.

Ибай, естественно, понял причину. Остальные люди в этой комнате - подчинённые Говиса. Члены Избавления. В идеале она бы не хотела делиться с ними важной информацией. Чергоа могла бы сказать об этом прямо, но, к несчастью, приватный разговор был возможен только с

её слугой, Эмили.

Ибай, впрочем, не был уверен, что это так важно. Эти избавленцы не такие как те, с которыми он встретился в Зале Дюн. Он даже не был уверен, что хотя бы кто-то из них желает покинуть это место. Многих полностью устраивала жизнь в Библиотеке с Говисом.

Он спросил у некоторых о причинах, но все давали приблизительно одинаковый ответ: «Потому что здесь безопасно, и потому что этого хочет Господин».

Верность этих людей Говису была поразительна, чувствовал Ибай. Он не знал, двигал ли ими страх или реальная преданность, но что бы это ни было, связь между ними сильна. Временами складывалось впечатление, что некоторые из них вернее Говису, чем собственным жнецам.

Но осторожность Чергоа он понимал, конечно же. Даже если эти люди собираются провести здесь весь свой остаток жизни, по-хорошему не стоит делиться с ними важной для себя информацией. Так что, возможно мудрее было бы перенести их разговор куда-нибудь в более уединённое место, но Ибай сомневался, что это имело значение. Насколько он мог судить, в Библиотеке не существовало мест, которые реально гарантировали бы приватность. Как знать, может сама Библиотека способна подслушивать разговоры.

Он, технически, мог окутать их двоих своей тенью, чтобы скрыть разговор, но насколько подозрительнее это будет?

Нет, для Чергоа разумнее просто правильно выбирать слова.

Ибай, с другой стороны, мог шептать, так что ему можно было не стесняться в выборе слов.

— О, ну там много всего было, — сказал Ибай. — Слышала про «Разрушение Каргама»?

Мгновение Чергоа молчала. — «Да.»

— И ты знаешь, что там куча людей достигла становления?

— «Да...»

— Например: Нож Дьявола, Человек Воронов, Кровавый Глаз, Молот, Горгулья, и Святой Хирург. А это только те, которые до сих пор живы. Десятки других уже мертвы, например: Красный Тигр, Жучий Сын, Тёмная Рука, Сова, Безумный Дудочник, и так далее. Там ещё реально целая куча в списке.

— «С этой тенденцией я знакома», — сказала Чергоа. — «И не вижу в ней ничего

удивительного. Те, у кого есть шансы на становление, обычно не слишком задумываются о собственной безопасности. Они просто бросают себя в опасность раз за разом. И вполне логично, что однажды удача у них кончается. Ну или просто безумный стресс наконец-то до них доходит и они просто ломаются – после чего любой разумный жнец отпустит слугу.»

Ибай нахмурился: — Это не самый положительный взгляд.

— «А может быть положительный?»

— Хмм. Может и нет. Но мне кажется, что за причинами их смерти могут стоять и побочные обстоятельства такой славы. Всё же, если кто-то из врагов узнает, что ты резко стал сильнее, то будет разумно тебя убрать, нет?

— «А, ну и это тоже, конечно. У вашего рода, вроде бы, даже есть слово для этого, да?»

Ибай кивнул: — Астеро.

— «Старое арманское слово, да? Его можно как-нибудь перевести?»

— «Звезда, которая горит всеми огнями», если дословно. Под «всеми» имеется в виду, что включая «себя».

— «Немало слов для одного термина. Но я понимаю, зачем твоим предкам могло понадобиться такое слово.»

— Ещё в книге были упомянуты случаи «мульти-становления» и «контр-становления». В сражениях слуг подверженных частым становлениям подобное часто происходит, как и тяжёлый ущерб всему, что их окружает.

— «Хмм, не похоже, что ты просто “пролистал” эту книгу», — заметила Чергоа.

Ибай улыбнулся и откусил ещё кусочек. — Я пролистал очень тщательно.

— «Но это не- А знаешь что? Хорошо. Ещё что-нибудь?»

Он задумался, пережёвывая. — Мм, не думаю. Там были кучи дат. Автор, как мне кажется, был помешан на деталях. Что, как бы, вроде и круто, но мне стало скучно. Вот «Гипотетическая эволюция дружбы» Карима Рамбата смогла удержать мой интерес надолго.

— «Да? И чем же?»

— Тем, что в ней кучи всяких сумасшедших идей! — Ибай случайно плюнул кусочком курицы, но и взглядом не повёл. — То есть, например, что если бы обычным людям удавалось синхронизировать души точно так же, как это делают слуги и жнецы?

Чергоа не выглядела впечатлённой: — «Это и имеется в виду под “дружбой”?»

— Думаю да. Писатель предположил, что достаточно крепкая дружба способна заменить отношения между слугой и жнецом.

— «Ага...»

— Разве это было бы не круто?

— «Конечно. Не будь это полной хернёй. Подобные идеи ты не зря назвал сумасшедшими, потому что тысячи лет истории слуг и жнецов доказывают их полную несостоятельность. Честно говоря, это одна из тупейших идей, что я слышала.»

Улыбка исчезла с лица Ибая. — Ну, если ты так считаешь, тогда я не стану рассказывать тебе другие теории.

— «Вроде бы, я как раз этого и хотела.»

— Это, знаешь ли, очень грубо.

— «Слушай, не каждая книга хороша, ладно? По факту, если говорить статистически, то большинство книг полная хрень. Я знаю, что ты любопытен от природы, и это хорошо - даже отлично. Но не нужно отвлекаться на тупые идеи, в которых нет никакого смысла.»

— Хмф, — фыркнул он и вернулся к наггетсам для успокоения души.

— «Не пойми меня неправильно. Такие книги прикольно читать время от времени, но не постоянно же, чёрт возьми.»

— А как насчёт технологического решения той же проблемы? — сказал Ибай, продолжая жевать.

— «В каком смысле?»

— Это ещё одна идея в «Гипотетической эволюции дружбы». Концепт, что однажды наука и технологии смогут делать то, что сейчас делают только жнецы.

Чергоа замолкла.

— Но это же разумно, нет? Может до тех пор ещё далеко, но учитывая стабильный прогресс человеческой гениальности, подобные вещи кажутся неизбежными, ты так не считаешь?

— «Хмм.»

— Хотя мне показалось, что в книге был небольшой подтекст против жнецов. Автор словно бы желал, чтобы однажды жнецы стали ненужными.

— «Это можно понять. Я бы сказала, что жнецов, по большей части, можно обвинить в большинстве социальных проблем на протяжении истории. Из нас, всё-таки, выходят отличные козлы отпущения.»

— В книге ещё обсуждается что-то вроде «тайного общества» жнецов, — добавил Ибай. — Анданатт, слышала такое? Или «Правитель», если на современном моссианском?

— «Слышала.»

— И? Что думаешь об этом?

Несколько секунд жнец молчала, затем она снова провела взглядом по комнате.

Ибай тоже осмотрелся, но никто не обращал на них никакого внимания.

— «Ну как сказать», — пожала крошечными плечами Чергоа. — «Слухи я слышала, конечно, они всплывают время от времени. Но проходят десятилетия, иногда даже столетия, пока не удастся услышать хоть что-то новое, так что трудно сказать, есть в этом хоть доля правды, или у кого-то активное воображение.»

У Ибая зачесался нос. Он его почесал. И продолжил есть. — Ну, Карим Рамбата, похоже, реально верил в это. Он даже сказал, что Анданатт — это истинный враг всего человечества, и что они активно пытаются подавлять технологическое развитие планеты уже тысячу лет.

— «Ага, это я тоже слышала.»

— Но не веришь, полагаю?

— «Не знаю. Просто мне кажется контрпродуктивным сходить с ума по чему-то такому, когда нет никаких доказательств.»

— Хмм-хмм.

— «А что насчёт ещё двух книг, которые ты упоминал? О чём они?»

— В одной были описаны общие качества знаменитых исторических личностей, — сказал Ибай.
— «Хладнокровие арбитров судьбы» Джара Хансета. В ней, кстати, тоже есть неплохие теории.

— «О, ну давай.»

— Автор пытается протолкнуть идею, что существует супер секретная «родословная рыцарей», которая начала свой путь с древних времён!

— «Гмм...»

— Автор указывает на нескольких древних людей, таких как Рицо Великий, Арнэл Ужасный, и Макио Необъятный, все они были совершенно неизвестны, а потом основали огромные империи.

— «Так, слушай, никто не любит обсирать книги, но вот именно поэтому литература сильно переоценена. Сравнить Рицо Великого и Арнэла Ужасного? Серьёзно? Это тупейшая х**ня что я слышала за всю свою жизнь. Господи боже.»

Из-за её реакции у него чуть шире открылись глаза и он улыбнулся. Не первый раз Ибай видел у неё такую реакцию за обсуждением книг, а потому не мог дождаться, когда она продолжит.

— «Я пережила эпохи обоих этих людей, и Арнэл был таким колоссальным мудаком и просто пропитанным ненавистью ко всему ублюдком, что я даже говорить о нём не хочу. Рицо, с другой стороны, был провидцем работающим на благо своих подданных. Конечно, временами он испытывал неудачи, но гораздо чаще добивался успеха. И говорить, что у этих двух людей есть какие-то общие поверхностные черты - полная чушь. Я не знаю двух более непохожих людей.»

— Хе-хе. Ты очень страстно к этому отнеслась.

— «Ну как бы да. Я знаю, что многие историки делают всё возможное, чтобы восстановить исторические события, но ещё я знаю, что многие другие нет. И это меня зверски бесит, потому что кто их исправит, а?»

— Мм, жнецы?

— «Теоретически - может быть. Но что делать, когда это мы, жнецы, неправильно разобрались

с ситуацией в своё время? Мы ведь тоже не идеальны.»

Ибай понимающе кивнул: — А это проблема, да?

— «Ага. Что ж, в любом случае, вряд ли другие идеи этой книги могут принести мне что-то кроме злости, так что давай к последней?»

— О, «Теория пустых миров» Хэмиша Харандела. Шикарная книга, но мне кажется, что она тебе тоже не понравится.

— «Да? И о чём же она? Надеюсь, в ней есть безумные заговоры, псевдонаучные теории, или тупые исторические сравнения?»

Ибай прикусил губу и отвёл взгляд: — Мо-о-ожет быть...

Чергоа тихо засмеялась: — «Ладно, я попытаюсь быть более открытой новым идеям в этот раз.»

— Хе-хе, ладно. — Пару секунд он думал, с чего будет лучше начать. Объяснять такое, начинал он думать, будет трудно. — Эм. Если говорить просто, в этой книге упоминается идея, что наш физический мир, каким мы его знаем, на самом деле состоит из множества других миров. «Подмиров», то есть.

— «Хмм.»

— Их ещё можно назвать альтернативными измерениями, но это не то же самое, что параллельные реальности. Ну, то есть, под параллельными реальностями имеются в виду миры, в которых есть альтернативная версия меня и всех, кого я знаю, ну и вообще всех-всех, и они там живут такими же жизнями, но немного другими. Так вот, автор не об этом. По факту, довольно большая часть книги посвящена тому, насколько грустно автору, что некоторые люди воспринимают его теорию именно так. Это, кстати, очень интересная часть. Его раздражение можно почувствовать, реально. Видимо его теорию не слишком хорошо приняли другие учёные.

— «...Ты уверен, что просто “пролистал” эту книгу?»

— Да, а что?

— «Не важно. Так чем же его теория отличается от обычных альтернативных измерений?»

— А, ну тем, что его альтернативные измерения напрямую связаны и влияют друг на друга. А важнее всего то, что только в нашем измерении есть люди. Иными словами, оно единственное,

которое не «пустое», другими словами.

— «А. И поэтому он назвал её теорией пустых миров.»

— Ага.

— «Что ж, звучит надуманно, но, по крайней мере, меня это не злит. И как именно, по мнению Хамиша Харандела, эти измерения связаны?»

— В «фундаментальном смысле», как это назвал он, то если в нашем измерении есть, например, валун, то этот валун ещё может существовать в своём собственном измерении. Он предположил, что мы, таким образом, живём в «высшем измерении», а все элементарные следует называть «низшими измерениями».

— «Хмм...»

— Ещё он считал, что это может быть связано со способностями слуг, в частности материализации и преобразования.

— «Постой. То есть он пытался сказать, что слуги на самом деле призывают свои материалы из других измерений?»

— Да, думаю да.

— «Это было бы круто. И довольно трудно опровергнуть.»

— О-о-о, значит это правда!

— «Боюсь, это не так работает. Но мне кажется, ты и так знаешь, да?»

— Хе-хе.

— «Как смеешь ты меня дразнить?»

<http://tl.rulate.ru/book/1701/742330>